

творилъ Гоголь прежде, для этого къ нему должны были вернуться получившими (пройдя сквозь горнило сознанія) высшее освѣщеніе—и тѣ свойства таланта его, та «веселость» его, которыя составляютъ, вообще, такъ сказать, физический субстратъ всякаго таланта; но подобное благотворное дѣйствіе кризиса можно ожидать лишь въ юности человѣка, весною его жизни, когда именно душевныя грезы и даютъ только толчекъ развертывающимся силамъ индивидуума; подъ осень же его жизни, тѣ же грезы могутъ лишь надорвать старческій организмъ, не влѣся въ него никакого обновленія.

«Нѣсколько разъ, пишетъ самъ Гоголь, упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣль насильно заставить себя написать хоть что нибудь, въ родѣ небольшой повѣсти, и не могъ произвести ничего... Что миѣ было дѣлать? Виноватъ я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что говорилъ или писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны въ возрастѣ человѣческомъ!...»

Да, именно—одна лишь весна! Гоголь самъ это хорошо понималъ, и никто, можетъ быть, болѣе его самого, не оплакивалъ безвременную кончину его таланта, обѣщавшаго еще такъ много сдѣлать: это видно уже изъ той грусти, какою вѣеть отъ тѣхъ строкъ его «Исповѣди», гдѣ одѣ жалуется на невозможность, неспособность писать по прежнему (не непосредственно), «какъ писалось въ молодости, т. е. какъ попало, куда ни поведетъ перо...» «Миѣ, вѣрно, потяжелѣй, чѣмъ кому другому, отказаться отъ писательства, когда это составляло единственный предметъ всѣхъ моихъ помышлений, когда я все прочее оставилъ, всѣ лучшія приманки жизни и, какъ монахъ, разорвалъ связи со всѣмъ тѣмъ, что мило человѣку на землѣ... Однѣ изъ лучшихъ минутъ моей жиз-